

Глава 8. Негодяй от рождения

Во всем мире лишь Цзян Ханьюй называл его так.

Цзянь Жочэнь беспристрастно окинул взглядом подошедшего. Тот был при полном параде: в ушах поблескивали серьги-гвоздики с бриллиантовой крошкой, на запястье позвякивала серебряная цепочка с крупной сиренево-голубой жемчужиной в стиле барокко. Длинный пуховик юноши был расстегнут настежь, открывая кашемировый жилет и белоснежную сорочку.

Одна из пуговиц на жилете была пропущена, ворот рубашки тоже остался небрежно расправленным. Солнечные лучи, падая на тонкую шею, заставляли сапфировый кулон на ключицах сиять особенно ярко.

На первый взгляд казалось, будто гость выбежал из дома в спешке. Однако человек, который действительно торопится, вряд ли станет подбирать столь полный комплект аксессуаров. С серьгами еще можно спать, но кто ложится в постель в колье с сапфирами и жемчужном браслете? Они бы попросту впивались в кожу.

Порывистый ветер ранней зимы заставил Жочэня глубже зарыться лицом в нежно-желтый кашемировый шарф. Выдохнув порцию теплого воздуха, он переждал резкий порыв и снова взглянул на брата.

Цзян Ханьюй заметно побледнел от холода, его била мелкая дрожь. Он поднес ладони к губам, согревая их дыханием, и жалобно поднял глаза:

— Брат, мне так холодно.

Каждое его движение, каждый жест были тщательно выверены.

К несчастью для него, перед ним стояли не те люди. Один был экспертом по микровыражениям и бывшим асом отдела поведенческого анализа ФБР. Второй — главой группы по расследованию особо тяжких преступлений и бывшим талантом криминальной разведки. Третий — лучшим студентом курса психологии и мимики в полицейской академии.

Эта филигранная серия актерских уловок была применена явно не по адресу.

Взгляд Ханьюя скользнул по ярко-желтому шарфу.

— Брат... — снова позвал он.

Прежний Цзянь Жочэнь, стоило юноше пожаловаться на холод, тут же снял бы свои перчатки

и шарф. Те дешевые, грубые вещи с рыночного развала пахли хозяйственным мылом, кололись и почти не грели. Ханью всегда нравилось смотреть, как Жочэнь готов сам дрожать от стужи, лишь бы угодить ему.

Но что происходит сейчас?

Заметив этот взгляд, Цзянь машинально коснулся мягкого кашемира. Но прежде чем он успел что-то сказать, рядом раздался бесстрастный голос Гуань Инцзюня:

— Если холодно — застегнись. И впредь не стоит расстегивать куртку нарочно.

Инспектор был сама прямолинейность: сух, деловит и совершенно нечувствителен к чужому кокетству.

Профессор Ли, стоявший рядом, едва сдерживал смешок. Будучи профессионалом, он умел сохранять невозмутимость в любых ситуациях, но сейчас ему пришлось тяжело. Ли Чаньюй коротко кашлянул и с отеческой добротой попытался хоть немного сгладить неловкость, возникшую после резких слов подчиненного:

— Молодым людям не стоит жертвовать здоровьем ради красоты. Посмотри на брата — видишь, как тепло он одет?

Жочэнь лишь неопределенно хмыкнул под пристальным взглядом Ханьюя.

Тот почувствовал, как его захлестывают одновременно раздражение и стыд. Опустив голову, он принялся возиться с замком куртки. Бегунок никак не хотел попадать в паз, и от досады в глазах заблестели слезы.

«Почему всё идет не так? — билось у него в голове. — Где я выдал себя? И когда этот наивный, глупый брат успел обзавестись такими проницательными знакомыми?»

***

Видя, что Ханьюй никак не может справиться с молнией, Жочэнь помедлил, но всё же присел перед ним. Перехватив края одежды, он ловко вставил замок в пазы и одним движением застегнул куртку до самого верха.

Гуань Инцзюнь всё еще подозревал его, профессор тоже был рядом — сейчас Цзяню нельзя было проявлять излишнюю холодность. К тому же... нельзя судить человека за проступки, которые еще не совершенны. В конце концов, вряд ли Ханьюй был негодяем от рождения.

Поправив брату воротник, Жочэнь спросил привычным, мягким тоном:

— Зачем ты ждешь меня у ворот университета?

Они стояли совсем рядом, и гость на мгновение растерялся:

— А?

Он заворожено смотрел на лицо Жочэня, ощущая в нем едва уловимые перемены. Брат действительно стал другим. Неужели это из-за огромного наследства? Сердце Ханьюя забилося чаще, чувство неловкости нарастало.

— Я... я пришел, чтобы позвать тебя домой, — пробормотал он, теребя жемчужину на запястье.

— Резиденция «Цзянтин» — не мой дом, — спокойно ответил Жочэнь. — Там нет места для меня.

Юноша вспыхнул и, схватив брата за руку, громко возразил:

— Там есть место! Как только Цзян Юнъянь вернется, я заставлю его привести твою комнату в порядок!

Жочэнь опустил глаза, глядя на него сверху вниз.

«Ждать возвращения Цзян Юнъяня? Неужели Ханьюй не понимает, что натворил их отец?»

В делах о подстрекательстве тот, кто заказывает убийство, наказывается наравне с исполнителем. Цзян Юнъяня ждет либо смертная казнь, либо пожизненное заключение. Он никогда не вернется.

Ханьюй вздрогнул и медленно разжал пальцы. Взгляд брата был таким ледяным, что на него было страшно смотреть.

— Цзян Ханьюй, — произнес Жочэнь, — у тебя было три года до сегодняшнего дня, чтобы сказать эти слова.

Брови Гуань Инцзюня дрогнули, он слегка прищурился. Ли Чаньюй тоже погрузился в раздумья.

Жочэнь сделал шаг вперед.

— Пусть ты не родной сын Цзян Миншаня, но он души в тебе не чает. За эти три года у тебя были тысячи возможностей убедить его смягчиться.

Взгляд Ханьюя заметался. Было уже около десяти утра, и у ворот Университета Сянгана толпились студенты, спешащие на занятия. Молодые люди с учебниками в руках весело переговаривались, проходя мимо. Юноше казалось, что все смотрят только на него. Что каждый слышит слова Жочэня. Не сочтут ли они его эгоистом? Если эти слухи поползут по университету...

Он невольно сжал кулаки.

— Ходят слухи, — многозначительно добавил Жочэнь, — что у тебя диагностировали миелофиброз и тебе нужно переливание крови. А наши группы крови, как назло, совпадают. Это правда?

Выражение лица Ли Чаньюя мгновенно изменилось. Его взгляд, словно игла, впился в Ханьюя.

— Нет! — лицо того мертвенно побледнело, он вскрикнул почти инстинктивно: — Это неправда!

Как он мог признаться? Признать болезнь сейчас означало подтвердить подозрения каждого: он зовет брата домой только потому, что преследует корыстные цели.

Ханьюй широко раскрыл глаза, отчаянно пытаясь найти в Жочэне хоть тень прежнего робкого, ничтожного мальчишки, который заискивал перед ним и ловил каждый его жест. Но там ничего не осталось. Сейчас перед ним стоял человек, чья уверенность граничила с агрессией, а лисьи глаза, уголки которых были слегка приподняты, утратили всякую мягкость.

Юноша глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. Он опустил взгляд и вдруг замер.

— Ты подстриг ногти? — ошеломленно прошептал он.

Гуань Инцзюнь уже докурил первую сигарету и как раз прикуривал вторую. Услышав это, он непроизвольно посмотрел на руки студента. Пальцы Жочэня были чистыми, тонкими и бледными. Видимо, перед выходом тот забыл воспользоваться кремом — кожа по бокам ногтевых пластин немного шелушилась.

— Длинные ногти — это неудобно, — отрезал Жочэнь.

Ветер сменил направление. Гуань Инцзюнь отошел чуть в сторону, вставая под ветер, чтобы дым не летел на окружающих.

— Почему же раньше тебе было удобно? — небрежно поинтересовался инспектор.

— Об этом стоит спросить Цзян Ханьюя, — парировал Жочэнь, демонстрируя полное владение

ситуацией.

Сердце Ханьюя сжалось от паники: всё окончательно выходило из-под контроля. Раньше брат не стриг ногти, потому что это нравилось Лу Цяню. И именно Ханьюй когда-то нашептал ему об этих предпочтениях. Тогда Жочэнь покупал дешевые наборы инструментов и старательно ухаживал за руками, используя копеечные лаки, которые пахли резкой краской.

Но теперь он безжалостно избавился от того, что берег ради Лу Цяня. Ханьюй не мог этого понять. Краем глаза он заметил, что взгляд этого красивого и опасного мужчины неотрывно следует за Жочэнем.

Раньше всё было иначе. Раньше все смотрели только на него. Почему Жочэнь не может и дальше оставаться лишь бесплотной тенью?

Ханьюй больше не мог этого выносить — зависть жгла его изнутри. Позабыв о первоначальной цели, он сорвался с места и, поймав такси, умчался прочь. Ему нужно было домой. Нужно было найти Лу Цяня!

Жочэнь спокойно проводил взглядом уезжающую машину и обернулся к профессору с виноватой улыбкой:

— Простите, что вам пришлось стать свидетелем этой сцены.

Его веки чуть опустились, голос звучал мягко, а лицо оставалось почти бесстрастным. И чем спокойнее он выглядел, тем больше Ли Чаньюй убеждался: прошлое этого юноши было невыносимо горьким. Профессор сочувственно похлопал Жочэня по спине. Объемная куртка под его рукой пару раз глухо спружинила. Старик коротко кашлянул и еще раз прошелся ладонью по одежде, возвращая наполнителю пышность.

— Ладно, идемте обедать.

Ли Чаньюй по-хозяйски распорядился:

— Гуань Инцзюнь, заводи машину.

Инспектор не проронил ни слова. Он достал ключи и подогнал белую Тойоту. Профессор привычно занял заднее сиденье. Жочэнь решил не садиться назад — иначе старший инспектор Отдела по расследованию особо тяжких преступлений выглядел бы как личный шофер.

Он устроился на переднем пассажирском сиденье и едва успел пристегнуться, как Гуань Инцзюнь выжал газ до упора. Машина рванула с места, балансируя на грани разрешенной скорости. Жочэнь заметил ободранную краску на боковом зеркале, перевел взгляд на дрожащую стрелку спидометра и сглотнул.

— Сэр Гуань... эта машина... она подержанная?

Если бы она была новой, Жочэнь даже боялся представить, какой стиль вождения мог довести автомобиль до такого состояния.

— Новая. Брал полгода назад, — отозвался Гуань Инцзюнь.

Он резко переключил передачу и, крутанув руль, заложил крутой вираж, едва не задев бордюр. Шины взвизгнули. Жочэнь едва не припечатало к стеклу. Одной рукой он вцепился в ремень безопасности, а другой судорожно схватился за ручку стеклоподъемника, пытаясь закрыть окно на ходу. Стекло со скрежетом поползло вверх и замерло, плотно прижавшись к раме.

«"Новая", как же. Развалюха та еще. Да и манера езды у инспектора просто сумасшедшая. Летом еще куда ни шло, но зимой в такой машине было чертовски холодно»

***

К тому моменту, как они добрались до «Хуан Цзи», губы Ли Чаньюя заметно побелели. Официант проводил их в отдельный кабинет.

Глядя на Тойоту с поврежденным зеркалом, ремонт которого явно откладывали до лучших времен, Жочэнь подумал, что Гуань Инцзюнь, возможно, не настолько богат, чтобы разбрасываться деньгами в заведении, где порция каши стоит четыре тысячи. В итоге он отказался от дорогой каши с акульими плавниками и выбрал лапшу в золотистом бульоне — за двести гонконгских долларов. Ровно столько же стоила пачка сигарет инспектора.

Гуань Инцзюнь бросил на него внимательный взгляд и заказал то же самое. Когда профессор выбрал рис с ананасами, инспектор снова взял меню и добавил три порции бараньих голяшек в густом соусе и жареные крылышки. Нажав на кнопку вызова, он передал заказ официанту и вышел вслед за ним, о чем-то недолго переговорив. Вернулся он с бутылкой красного вина.

Когда подали еду, Жочэнь в недоумении уставился на огромные бараньи кости, каждая из которых была размером с его лицо, и на лежащие рядом одноразовые перчатки.

— И как это есть? — поразился он. — Разве в ресторанах такого уровня не должны подавать мясо уже нарезанным?

— Бери и грызи, — многозначительно бросил Гуань Инцзюнь.

Он встретил изумленный взгляд Ли Чаньюя и, заметив нерешительность Жочэня, добавил после короткой паузы:

— Справишься с этим — и я расскажу тебе, зачем Цзянь Юнъянь заказал убийство и почему решил подставить именно тебя.

Жочэнь замер и медленно поднял глаза. Гуань Инцзюнь сидел с идеально прямой спиной, опершись локтями о край стола. Он соединил кончики пальцев обеих рук, всем своим видом демонстрируя непоколебимую уверенность.

— Я уже вытянул из него мотив, — продолжил инспектор. — Но согласно уставу, пока не имею права разглашать информацию.

Ли Чаньюй хранил молчание. Он слишком хорошо знал: устав для Гуань Инцзюня никогда не был святыней. Иначе после завершения работы под прикрытием начальство не перевело бы его из криминальной разведки прямиком в «убойный» отдел.

Гуань Инцзюнь слегка вскинул подбородок:

— Но если ты поможешь следствию — это будет считаться содействием. А свидетели, оказывающие помощь, имеют право на получение определенных сведений.

Ходили слухи, что те, кто полностью перекроил лицо и челюсть, не могут широко открывать рот и вынуждены есть крошечными кусочками. Инспектор хотел увидеть это своими глазами.

Сможет ли Цзянь Жочэнь широко открыть рот, или его лицо — лишь искусная маска?

<http://bllate.org/book/15833/1428276>